

Это был Кан.

— Я изучаю валенские легенды и духов. Естественно, к такой ситуации тоже заранее подготовился.

Кан закатал рукав и показал татуировку на внутренней стороне запястья.

— Таранс, получив большую помощь от госпожи Сироны, пообещал защищать её последователей как своих подданных. Я - слуга, служащий госпоже Сироне. В доказательство вытатуировал её образ на теле.

Тен, с обеими руками, связанными, как преступник, ошеломлённо смотрел на Кана. Проводник, с трудом протиснувшийся в тесное купе, заполненное людьми, проверил татуировку и кивнул.

— Верно, это Сирона, держащая в руках фрукты и колосья. С этим человеком всё в порядке.

Ситуация резко изменилась. Все взгляды сосредоточились на Тене. Оценивающие глаза обшаривали всё тело.

Сам заявляет, что житель Нэйва, но доказательств нет. Похоже, взбесившись из-за несправедливости, постигшей попутчика, наговорил чего попало. Кроме того, как ни посмотри, несомненно валенец. Двое мужчин, получивших от Тена, возражали, но люди знали, что Тен не совершил такого серьёзного проступка, чтобы быть изгнанным. Однако.

— Благодаря госпоже Сироне со мной всё в порядке, но нет гарантии, что этот человек в безопасности.

Житель Нэйва, показывавший запястье, опустил рукав и сказал:

— Хотя кожа белая, определённо житель Нэйва. До этого мы разговаривали со мной на нэйвском языке. Я хвалил, что говорит так свободно, как носитель языка. Оказалось, действительно носитель.

Кровь похолодела. Словно кто-то сильно ударил по затылку - онемело. Хотелось проверить затылок, но обе руки связаны - невозможно.

Перед лицом важного дела, где на кону жизнь, общественное мнение пришло к поспешному и эмоциональному выводу. Дверь открылась перед Теном, оттеснённым и вытолкнутым большими и крепкими телами. Свет, отражённый от белого снега, больно резанул глаза. Холодный студёный внешний ветер мгновенно ворвался в тёплый вагон. Большая рука толкнула в спину. Тен вывалился из поезда.

Покатившись по снегу, Тен ошеломлённо упал. Дверь отъезжающего вдали поезда открылась, и выбросили сумку и множество вещей. Наверное, его багаж. Может, стоит быть благодарным, что замедлили скорость и пострадал меньше? Тен, остававшийся неподвижным, пока поезд не превратился в точку, наконец встал. Тяжело, тяжело. Из шагов всё уходили силы.

Если бы он раньше показал татуировку, прежде чем он вмешался. Если бы не объявлял, что житель Нэйва. Если бы не останавливал и безучастно наблюдал, когда того несправедливо вытаскивали.

Приставлял к прошедшему прошлому оговорку "если бы", но ничего бы не изменилось.

Считает, что помочь Кану, которого вытаскивали, было правильным делом и сейчас. Даже если бы не объявил о происхождении напрямую, подозрение всё равно возникло бы. Потому что до этого свободно общался с Каном на нэйвском. По той же причине, даже если бы Кан первым показал татуировку и объяснился, результат был бы тем же. Ничего не поделаешь. Естественно не терпеть ни малейшей опасности, когда речь о жизни. Да. Раз речь о жизни. Можно понять.

Но что делать с этим чувством?

Гнева не было. Однако чувство предательства было. Я помог. Проявил добрую волю. А в ответ – донос и изгнание. Давно уже не питал ожиданий к людям, но на этот раз удар был сильным.

Тен, взяв в руку сумку, валяющуюся на снегу, вздохнул. Что теперь делать? Если идти за поездом, дойдёт до земли Таранса. Это не годится. Тогда вернуться назад по рельсам? Помучился и снова в исходную точку. Было обидно, но сейчас этот способ – лучший.

— ...?

Тен, надевая сумку, заметил среди выброшенных вместе вещей что-то знакомое. Блокнот. Блокнот, в котором Кан изучал и систематизировал валенские легенды.

Когда началась потасовка и купе пришло в беспорядок, багаж и личные вещи перемешались. Похоже, попал сюда, когда в том беспорядке собирали и выбрасывали предполагаемые вещи Тена.

Если оставить здесь, будет только мусор, так что пока подобрал. Роясь туда-сюда, чтобы освободить место в сумке, полной одежды и вещей, для блокнота, кончики пальцев за что-то зацепились. Тен, ощутив холодный металл и стекло, вытащил это. Компас. Компас с белым фоном без единого обозначения сторон света, где жалко разместилась только стрелка.

"У каждой вещи есть цель и польза".

От старухи, закутанной в чёрную мантию, доносился едкий голос.

"Цель стрелки – указывать направление. Хотя этот компас не указывает север, он покажет, где находится то, что ты ищешь, чего желаешь".

Компас, указывающий желаемое место. Предмет, который встречается разве что в сказках. Так похоронил его в памяти и забыл.

"Благодарность жалкой старухи".

Тен попеременно смотрел на две вещи: на прямые рельсы, тянущиеся за горизонт, и на компас, указывающий совершенно неправильное место. Куда направиться? Если думать здраво, ответ на вопрос очевиден. Рельсы, где ясны пункт назначения и путь. Компас, о котором, кроме направления, ничего не известно. Возможно, просто играет роль в пустых словах нищенствующей старухи.

Подумав ещё раз, ответ уже определён. Тем не менее, Тен, после долгих раздумий, медленно двинулся.

Следы шагов точками отпечатались в направлении, отличном от железной дороги.

Разбушевалась метель. Над густыми бровями неряшливо налипли замёрзшие белые кусочки. Тен закутался в шерстяную ткань, достаточно толстую, чтобы использовать как одеяло, оставив торчать лишь глаза. Руки торопливо поправляли воротник, стараясь уменьшить площадь соприкосновения с воздухом. Снег, опустившийся на землю, слегка замёрз на поверхности и скрипел под ногами.

Тен, отдышавшись, пробирался через снег, накопившийся по колено. Скорость, с которой падал и накапливался снег, была ужасающей.

Метель налетела внезапно. Вопреки словам Софи, что теперь редко увидишь снег, он валил обильно. Сегодня был редкий и драгоценный для Валенса ясный день. Небо, чистое без единого облачка, не подавало никаких признаков. Но с какого-то момента метель внезапно яростно разбушевалась. Словно ступил в другой мир.

Подумал вернуться назад, но уже поздно. В мире, покрытом белым снегом, не было вообще никаких ориентиров. Не видел на шаг вперёд. Потерял даже чувство направления. Теперь оставалось верить только жалкому компасу.

Ветка, которую держал как опору, глубоко втыкалась в снег. Тен, попавший в беду в метели, поглотившей всё, смог продержаться до сих пор исключительно благодаря Аквиле. По крайней мере не нужно было беспокоиться о смерти от замерзания. Но и это теперь было трудно. Силы иссякли, измотан до предела. Если хотел вернуться, нужно было возвращаться раньше. Тен обернулся назад. Следы уже занесло, не осталось даже намёка.

Хотел попасть в близкое место, где можно отдохнуть.

Ведь не желал чего-то грандиозного. Тен с обидой посмотрел на компас. Не то что отдохнуть – стало невозможно даже понять, где что находится. Совершил непоправимый неверный выбор в порыве мгновенного импульса.

На этот раз, может, действительно умру. Как раз когда пришла такая мысль.

— На этот раз моя очередь!

Откуда-то слышались голоса.

— О чём ты? Конечно, моя!

— Это моя очередь? Ты же уже два раза!

— Холодно.

— Вот поэтому моя очередь.

— Какая связь между холодом и очередностью?

Голоса определённо слышатся. Но людей – субъектов разговора – не видно. Тен в замешательстве сделал ещё шаг вперёд. В тот момент

мир изменился.

Бесконечно тянувшиеся белый снег и снежные равнины исчезли неведомо куда, и раскинулся

огромный древний замок. Если слепой впервые откроет глаза на мир, возможно, будет такое чувство. Словно мгновенно рассеялся густой туман, взгляд расширился. Высокий и огромный замок, казалось, достигал неба, весь застыл добела снегом и льдом, а острые, как наконечники стрел, ограды широко окружали замок. Всё это было всего в нескольких шагах впереди.

Тен поспешно обернулся. Метели, которая до этого хлестала и бичевала его тело, нигде не было. По-прежнему мир был покрыт белым снегом, но он только смиренно припадал к земле, а не обрушивался с неба. Словно приснился кошмар, переполненный реальностью, всё исчезло, как иллюзия. Хотя резь на коже, изрезанной ледяным ветром, всё ещё ощущалась отчётливо.

Перед наглухо закрытыми воротами замка, словно привратник, стоял низкорослый гном. Гном держал в обеих руках – по одной в каждой – точно такие же лица, как то, что было на его шее. Три одинаковых лица, как декалькомания, глядя друг на друга, препирались.

— Ты слишком долго! Теперь уступи мне!

— Тьфу. Ладно.

Проворчавшая голова отвалилась, и голова из левой руки заняла место на шее. Голова, захватившая тело, торжествующе улыбнулась двум другим головам.

— Кстати, слишком холодно. Холодно, холодно... А, человек?

Пока Тен застыл, глядя на гротескное зрелище трёх лиц, меняющихся поочерёдно и захватывающих тело, одна голова заметила Тена. Три пары зрачков одновременно повернулись к Тену.

— Ого, человек!

— Человек! Удивительно! Сколько прошло времени?

— Человек – это действительно давно! Но слишком холодно.

Верно, холодно. Холодно, холодно. Три головы, собравшиеся кучкой, словно и не восхищались, мгновенно свернули на другую тропинку. Хотя всего лишь распевали, что холодно.

Тен проверил компас. Стрелка внутри тонкого стекла точно указывала на ворота замка.

— Простите...?

Гномы, твердившие "холодно", когда Тен открыл рот, возбуждённо заговорили между собой: "Ого! Человек заговорил! Удивительно!" На их волосах, бровях и бородах налипли беловатые снежинки.

— Человек. Человек, зачем ты пришёл сюда? Ты гость замка?

— Не совсем...

Три головы гнома посмотрели друг на друга и начали обсуждать.

— Можно впустить человека?

— Его Величество не дал разрешения. Если мы откроем дверь по своей воле, нас могут наказать!

— Но Его Величество вообще не даёт разрешений. Ничего не делает! За последние триста лет не видел, чтобы он работал!

Ха-ха-ха. Зрелище трёх одинаковых лиц, смеющихся одинаково, было жутким. Тен, улыбаясь вместе с ними неловкой улыбкой, вдруг вспомнил лицо Софи. Её слова рефлекторно вылетели наружу.

— Вы трое выглядите очень дружными. Завидую.

Мгновенно смех оборвался. Три головы, глядя пристально с исчезнувшими улыбками, давили взглядом.

Что такое? Сделал, как велела Софи. Почему такие выражения лиц? Когда забеспокоился, не допустил ли какой ошибки, на трёх лицах расцвели светлые улыбки. Несравнимо с разговором о Его Величестве, который триста лет не работал, это были улыбки, источающие искреннюю радость.

— Правда? Мы выглядим такими дружными?

— Человек, кое-что понимает!

— Умный человек! Если такой умный и добрый человек, Его Величеству тоже понравится!

Болтая между собой, что у него есть чутьё, что добрые гости – это приветствуется, гном открыл дверь. Огромные ворота замка с протяжным скрипом ржавого металла медленно открылись. Тен ещё раз проверил компас.

Стрелка указывала внутрь замка.

За спиной закрылись ворота замка. От этого тяжёлого звука запоздало пришло осознание. Зачем вошёл в замок? Если верить рассказу Софи, этот замок, который охраняют гномы, – ужасный Ледяной замок Великого императора суровых холодов.

Похоже, всё-таки ступил в опасное место. Может, вернуться сейчас? Однако, вспоминая метель, которая обрушивалась на его тело до этого, не мог заставить ноги двинуться. Если подумать, метель была чрезмерно искусственной. Возможно, это устройство для сокрытия и защиты этого замка. Если бы Тен не был заклинателем пламени, если бы был обычным человеком, давно бы умер.

Смогу ли выжить, если вернусь сейчас? Устроил переполох в деревне никсов, столкнулся с белой вороной, изгнан из поезда после потасовки. С момента всех этих событий не прошло даже дня. Снова блуждать в метели, ведя уставшее и измотанное тело? Не нужно гадать о возможности. Определённо умрёт.

Но если это действительно замок, где находится Великий император суровых холодов, разве не та же участь мертвеца?

Раз за разом сглатывал сухую слюну. Кадык быстро двигался вверх-вниз. Стрелка компаса, крутящаяся, не находя направления, казалась его смятённым сердцем.

Что делать? Тен спокойно привёл мысли в порядок. Возвращаться в нынешнем состоянии обратно в метель было равносильно самоубийству. Нужно отдохнуть хотя бы до восстановления сил. Да, как только тело придёт в норму, сразу уйду. Не буду даже входить в замок. Просто

немного отдохну в незаметном уголке и пойду.

Тен, приняв решение, снял тяжёлый багаж, давивший на плечи, и огляделся. Замок, покрытый застывшими сосульками и белым снегом, было трудно разглядеть в истинном облике. Буквально Ледяной замок. Тен внимательно осматривал крепость подавляющего величия.

Неожиданное лицо попало на глаза именно тогда. Под высоченной стеной замка стоял ребёнок. Белая бледная кожа. Волосы, белые, как снежная равнина, и пепельные зрачки. Одна рубашка безмерно большая, словно одолжил у взрослого. Невозможно не узнать. Тот ребёнок. Ребёнок, которого встретил на деревенской площади.

Тот ребёнок, которого видел в деревне никсов.

Ребёнок медленно, неспешно повернул голову. Встретившись с мертвенно бледными и тусклыми глазами, мурашки пробежали по спине. Даже если бы увидел призрака, так пробрало бы? Почему тот ребёнок здесь – не от такого логического суждения идёт ощущение. Это было предупреждение, которое инстинкт подавал прежде всех мыслей и размышлений. Высокий и резкий звук горна яростно разносился в голове. Звук тревоги, извещающий об отступлении, слышался, словно галлюцинация.

Но в момент, когда увидел ноги ребёнка, весь шум мгновенно исчез. Как в день первой встречи, взгляд Тена впился в босые ноги, стоящие прямо на ледяном снегу. В такую холодную погоду в таком виде. Более того, ходить босиком. Что будет, если замёрзнет?

От удивления и беспокойства Тен невольно шагнул вперёд. По бледной щеке ребёнка прозрачная капелька скатилась вниз. Плачет? Тен, изумлённо собравшийся было подбежать, тут же понял, что источником капли была сосулька на краю карниза.

Говорили, что лето. Похоже, погода действительно потеплела. На острой оконечности сосульки блестяще виднелась капля. Сверху попадал в поле зрения снег, покрывший всю крышу. Белая масса, что расположилась так ненадёжно, словно вот-вот рухнет.

"Снег выглядит таким пушистым и лёгким, как пух, но раз накапливался всю зиму, сейчас вес должен быть ужасающим. Бывает, что дома рушатся из-за снега".

Не случайно вспомнился владелец книжной лавки.

Тен пристально смотрел на снег на крыше, намётанный не сантиметрами, а метрами. Маленькая синяя птица, прекратив частые взмахи крыльев, искала, где бы отдохнуть.

"Если эта тяжесть разом обрушится?"

Синяя птица, будто прикидывая, летала туда-сюда над крышей, затем мягко приземлилась на белый снег. В тот момент с трудом удерживавшееся равновесие рухнуло, и снежная куча обрушилась вниз. Испуганная птица поспешно улетела прочь.

"Надо считать, что просто умер".

Когда пришёл в себя. Тен уже бежал к ребёнку. Обняв ледяное маленькое тело, подставил свою спину под обрушивающуюся снежную кучу. Серые глаза ребёнка были последним, что он увидел, обращёнными на него, прежде чем взгляд потемнел и потух.

<http://bllate.org/book/14993/1421363>